

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС К. ЛЕОНТЬЕВА (к постановке проблемы)

У статті розглядається критична рефлексія К. Леонтьєва. Акцентується на зверненні критика до творчості російських письменників у контексті його філософсько-естетичної системи. Підкреслюється неоднозначність і парадоксальність суджень К. Леонтьєва, що визначаються його естетизмом і трагічністю світосприймання.

Ключові слова: модель, людина, світ, парадоксальність.

В статье рассматривается критическая рефлексия К. Леонтьева. Делается акцент на обращении критика к творчеству русских писателей в контексте его философско-эстетической системы. Подчеркивается неоднозначность и парадоксальность суждений К. Леонтьева, определяемые его эстетизмом и трагичностью мировосприятия.

Ключевые слова: модель, человек, мир, парадоксальность.

In the article the critical reflection of K. Leontyev is considered. The accent on the reference of the critic to creativity of Russian writers in its context of philosophy aesthetic system is done. Ambiguity and paradox of judgements of K. Leontyev is defined of its aesthetics and is emphasized by tragedy of attitude.

Keywords: Model, the person, the world, the paradoxical.

Неизвестный, неразгаданный, сложный – эти суждения часто встречаются в работах о Константине Леонтьеве в литературной критике к XIX — н. XX в. Безусловно, К. Леонтьев был неоднозначной, парадоксальной и драматической фигурой в русской духовной культуре XIX века. В поэзии, религии, философии, истории он черпал оригинальные идеи, на основе которых создал оригинальную модель мировидения. Заметим, что его имя практически было неизвестно его современникам. В историю он вошел как «реакционер», славивший кнут и монархию[1]. Причина этого, возможно, в том, что К. Леонтьеву была присуща парадоксальность и резкость суждений, использование «страшных слов». Однако, уже в к. XIX - н. XX в. интерес к К. Леонтьеву возрос, о чем свидетельствовали статьи Вл. Соловьёва, В. Розанова, Д. Мережковского, С. Булгакова и др. «Пророчества», по определению А. А. Королькова [1], К. Леонтьева способствовали возникшему к нему вниманию в XX веке М. Бахтина, Б. Эйхенбаума, В. Шкловского и т. д. Значительный интерес культурологов и философов был связан с теорией культурно-исторических типов К. Леонтьева, где он во многом предвосхитил идеи О. Ф. Шпенглера и Л. Гумилёва. Признанным фактом является влияние слаянофилов, почвенников, в частности, К. Аксакова, Ап. Григорьева, Ф. Достоевского. Но вместе с тем о Леонтьеве-критике написано крайне мало. В этом плане можно назвать статьи П. Гайденко, С. Бочарова, В. Ерофеева, И. Славина.

Заметим, что в жизни К. Н. Леонтьева непостижимым образом сочетались власть традиций, быта с властью своего «я», своего особого предназначения, искания Бога и страхом перед ним, европейская образованность с открытым вызовом новой Европе и утверждением русской национальнoй идеи. Его проповедничество, исторические и философские пророчества стали предметом размышлений А. Королькова («Пророчества К. Леонтьева» [1]), В. Косик («К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему» [2]), С. Сергеева («Творческий традиционализм К. Леонтьева» [3]). Значимым оказалось издание двух сборников «К. Леонтьев: pro et contra», в котором собраны, но еще не систематизированы биографические материалы, мемуары, эссе [4].

В девятитомном собрании сочинений К. Леонтьева наряду с художественной прозой и трактатами, посвященными культурно-историческим и политическим темам, его литературная критика занимает меньшую часть (один том). Мысли критика о литературе рассеяны по немногим, случайно появившимся статьям. «Едва ли, - замечал Б. Грифцов, - Леонтьев сам сознавал всю важность для русской культуры того, что он бы мог об искусстве сказать» [5: 312].

Основные идеи мирозерцания Леонтьева были во многом заложены в его душу и сознание матерью — глубоко верующим человеком, аристократкой (по происхождению и по духу). В своих воспоминаниях К. Леонтьев писал: «Сила, вырабатываемая сословным строем, разнообразие характеров, борьба, битвы, слава, живописность — присущи мне с молоком матери. В этом эстетическом инстинкте моей юности было гораздо более государственного такта, чем думают обыкновенно; ибо только там много бытовой и всякой поэзии, где много государственной и общественной силы. Государственная сила есть скрытый железный остов, на котором великий художник - история лепит изящные и могучие формы культурной человеческой жизни... Я, сам того не подозревая, рос в преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма... И этими-то добрыми началами, которые сказались вовсе не поздно, а при первой же встрече с крайней «демократией нашей» 60-х годов, быть может, я более всего обязан матери моей, которая сеяла с самого детства во мне хорошие семена» [6: 491].

Эстетизм пронизывал всю жизнь и творчество К. Леонтьева. Уже в раннем романе «В своём краю» он определил прекрасное как «главный аршин», а позднее дал обоснование эстетического критерия — как «универсального, по его приложимости» ко всем без исключения явлениям как человеческой жизни, так и природы, «начиная от минерала и до самого всесвятейшего человека». Эстетическое чутье К. Леонтьев считал столь же объективным, как и естественнонаучную истину. Но возникал парадокс: фанатическая вера в эстетическое начало жизни соединялась с устремлённостью К. Леонтьева к монашеству и монархической власти одновременно. За такое «любование красотой силы», избранности, К. Леонтьева сравнивали с Ницше [7: 237]. Бердяев был также крайне резким, определяя эстетизм К. Леонтьева как не русскую черту, резко дисгармонирующую с традиционно русским состраданием униженным и оскорблённым [8: 165]. Укажем так же и на то, что эстетизм Леонтьева не был чужд традиции русской культуры, но в то же время впитал в себя идеи западного романтизма. Вместе с тем, был прав С. Франк, указывающий, что эстетизм Леонтьева отличался от романтизма «мрачным пессимизмом», доходящим даже «до любви к жестокости и насилию» [7: 237].

Как критик Леонтьев также занимал эстетическую позицию, близкую к эстетической критике. Через всё его творчество проходит мотив неприятия реализма прозы второй половины XIX века, который он определял как «общерусский» стиль. Как указывал Н. Бердяев: «Именно в гоголевском пути он усматривал причину падения литературы с высоты изящных образов к натурализму и культивированию безобразного, движение к мешанству и буржуазности, к умалению культурных ценностей, к постепенному превращению великого в малое, мировой трагедии в драму, комедию и далее, логически, - в пошлый фарс» [8: 228].

Эти идеи непосредственно были связаны с его неприятием эгалитарного буржуазного общества, его нравственности: «Полька тремб-лант, сюртук, цилиндр и панталоны, так мало вдохновительны для художников, так чего же должно ожидать от искусства тогда, когда... не будет существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великие государственные люди... Тогда, конечно, не будет и художников. О чём им петь тогда? И с чего писать картины?» [9 (6: 136)], - замечал критик.

Пушкинская поэзия вплоть до 50-х г. XIX века была с точки зрения К. Н. Леонтьева лучшей в эстетическом отношении - «блаженное для жизненной поэзии время». Затем «патриархальная поэзия русского быта» угасала, а вместе с ней умирала и эстетика.

Стремясь поддержать эстетику жизни и литературы, К. Леонтьев вновь высказывает парадоксальное суждение. С. Бочаров верно указывал на одно из главных противоречий эстетики Леонтьева, которое он видел в разграничении «реальной» эстетики жизни и «отражённой» красоты искусства [10]. Действительно их соотношение оценено у Леонтьева двойственно. С одной стороны он пишет: «Искусство же есть цвет жизни и самое высшее, идеальное её выражение». С другой стороны стремится отделить искусство от жизни.

Возможно, этот парадокс возник в связи со стремлением К. Леонтьева к самостоятельности, независимости своей концепции от Н. Чернышевского с одной стороны, и А. Дружинина с другой. Заметим, что литературная жизнь того времени находилась под влиянием двух основных философско-критических направлений. К. Леонтьеву было сложно соединить утилитаризм с эстетизмом. Но совершенно очевидно, что ещё в ранних статьях он не принимал тенденциозности в литературе. В качестве примера, он приводил творчество И. Тургенева. «Тургенев позволял себе быть самим собой только в маленьких повестях, жертвуя талантом, «насилуя собственный вкус» в угоду времени, считая обязательным для романов общественные события, деятельные характеры, вошедшие в его романы чуждым и неубедительным элементом» - замечал К. Леонтьев.

Идеи К. Леонтьева основывались прежде всего на эстетических ощущениях, предчувствиях. Чувство и вкус он связывал с философией интуитивизма и психологией души.

Более того, эстетизм Леонтьева воплощался в интересе к стилистике текста, поэтики и структуре художественного произведения.

Таким образом он преодолевал критическую односторонность как «реальной критики», так и эстетической. «Все даже исторически значимое отпадет и останется одна красота, - писал он, анализируя роман И. Тургенева «Накануне» [11: 97].

Любопытно, что образ Инсарова критик предлагал сделать менее безукоризненным, более грубым, но тем самым более убедительным в плане художественном. Подобное суждение совершенно не характерно для концепции эстетической школы.

Для К. Леонтьева, как и для Ап. Григорьева, Ф. Достоевского искусство существует не для искусства, а для осуществления той полноты жизни, которая необходимо включает в себя и особый элемент искусства – красоту, но включает не как что-нибудь отдельное и самодовлеющее, а в существенной и внутренней связи со всем остальным смыслом бытия. Таким образом, он обосновывал автономность искусства, выступая как против утилитаризма, так и морализма, за что и был назван аморалистом.

Интересен тот факт, что Леонтьев при анализе произведений непосредственно обращался к рассмотрению вопросов поэтики. В XX веке подобный угол зрения дал повод исследователям назвать К. Леонтьева предтечей формальной школы. «Неизбалованное, простое, свежее чувство дикаря, ребенка, простолюдина, бедняка оригинально освещает устарелые предметы, и вдохновение многих писателей (может быть бессознательно) пользовалось этим эстетическим средством», - писал Б. Эйхенбаум о К. Леонтьеве [12: 63-64]. Так уже в 60-е годы XIX века Леонтьев рассматривал проблему «точки зрения», с которой ведется повествование, открывая этим начало ее специальному литературоведческому изучению [13]. Когда повествование ведется не от лица автора, а от лица персонажа, создается определенный эстетический эффект, замечал критик. Подобное освещение сообщает предметам особую поэтичность. Ведь Леонтьев писал по сути дела о приеме, который Б. Шкловский спустя десятилетия назвал «остранением» - выведение вещи из автоматизма восприятия.

Таким образом остротой суждений Леонтьев опережал свое время. Например, он дал определение символикe текста, ее знаковости, что сразу же отметили критики Серебряного века (Д. Мережковский, В. Розанов).

Безусловно, основные положения «органической» критики Ап. Григорьева оказали влияние на литературную эстетику Леонтьева. Ведь леонтьевский термин «веяние» из статьи о романах Л. Толстого взят у Ап. Григорьева. К. Леонтьев прошел через сферу влияния Ап. Григорьева и в философии истории. Можно заметить связь между леонтьевской историко-культурной концепцией, изложенной в «Византизме и славянстве», и идеей «организмов», развитой Григорьевым в поздних статьях, где он противопоставляет ее как основную форму культурной жизни человечества идее рационального прогресса. Но в критике подход Леонтьева к произведениям существенно отличался от григорьевского. В отличие от Леонтьева эстетический критерий не был для Григорьева исключительным, у него всегда присутствовала нравственная оценка. Так называемый «эстетический аморализм» («Красота есть цель жизни». «Не порок в наше время страшен, страшна пошлость, безличность») отталкивал от Леонтьева поздних славянофилов, которые, по выражению В. Розанова, от приведенных выше слов пришли бы в состояние «отравления организма».

Все сказанное приводит к выводу о парадоксах К. Леонтьева и о парадоксальности суждений о нем его современниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корольков А. А. Пророчества К. Леонтьева / А. А. Корольков. – СПб. : С-П. университет, 1991.

2. Косик В. И. К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М. : Зерцало, 1997.
3. Косик В. И. К. Леонтьев. Размышления на славянскую тему / В. И. Косик. – М. : Зерцало, 1997.
4. Леонтьев К. Pro et contra: В 2-х т. / К. Леонтьев. - СПб.: Христ. ун-тет, 1995.
5. Грифцов Б. А. Судьба К. М. Леонтьева / Б. А. Грифцов // Леонтьев К. Pro et contra: Кн. 1. – СПб.: Христ. Ун-тет, 1995. – С. 312.
6. Из воспоминаний К. Леонтьева // Русский архив. – 1880. – Кн. 1. – № 1. – С. 491.
7. Франк С. Л. Миросозерцание К. Леонтьева / С. Л. Франк // Леонтьев. Pro et contra: личность и творчество. – Т. 1. – СПб. : Христ. ун-тет. – С. 237.
8. Бердяев Н. А. К. Леонтьев. (Очерк из истории русской религиозной мысли) / Н. А. Бердяев // Леонтьев. Pro et contra: личность и творчество. – Т. 2. – СПб. : Христ. ун-тет. – С. 165.
9. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. – 2003. – Т. 6. – С. 136.
10. Бочаров С. Г. Эстетический трактат Константина Леонтьева / С. Г. Бочаров // Вопросы литературы. – 1988. – № 12. – С. 188–200.
11. Тургенев И. С. в Москве (из воспоминаний К. И. Леонтьева) // Русский вестник. – 1888. – № 2. – С. 97.
12. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу : [сб. статей] / Б. М. Эйхенбаум. – Л., 1924. – С. 63–64.
13. Хатунцев С. В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850-1874 гг. / С. В. Хатунцев. – СПб. : Алетей, 2007.

УДК 413

Асташина Е.И.
(Брянск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ (на материале романа Е. И. Замятина «Мы»)

У статті розкриваються деякі прийоми маніпуляції людською свідомістю, характерні для слабо вивченої мовної системи роману Є.І. Замятіна «Ми».

Ключові слова: *нескінченність, нічого, розум, кристалізація, чистота, метафора.*

В статье раскрываются некоторые приемы манипуляции человеческим сознанием, характерные для слабо изученной языковой системы романа Е.И. Замятина «Мы».

Ключевые слова: *бесконечность, ничего, разум, рассудок, кристаллизация, чистота, метафора.*

The article describes some tricks of manipulation by human consciousness, which are characteristic of the poorly-studied language system of E.I. Zamiatin's novel "We".

Key words: *infinity, nothing, mind, reason, crystallization, purity, metaphor.*